

Коша

Тихая плавка

Коша
Тихая плавка

«Автор»

2026

Коша

Тихая плавка / Коша — «Автор», 2026

Завод «ЭлектроСталь-8» работает без остановки тридцать семь лет. Каждый день старший инженер Илья Корнев смотрит на показания датчиков, которые давно начали врать. Но ложь одобрена сверху — она поддерживает систему, где люди стали расходным материалом, а безопасность принесена в жертву красивым отчётам. Когда Илье приказывают подделать данные, он отказывается и попадает в Блок-6 — туда, откуда не возвращаются. Но именно там он находит то, что отец оставил для него тридцать лет назад: ключ к правде и право выбора. Остановить машину лжи или остаться её частью? Эта история о том, как один человек может заставить замолчать целый завод — и услышать в этой тишине собственное сердце.

© Коша, 2026

© Автор, 2026

Коша

Тихая плавка

Тихая плавка

Завод «ЭлектроСталь-8» не останавливался никогда.

Тридцать семь лет, семь месяцев и двенадцать дней — именно столько горела зелёная лампа на пульте главного диспетчера. Её не гасили даже во время Великой Ревизии, когда погибло семь сменных техников, а воздух в цехах стал таким горячим, что плавилась защитные стёкла шлемов. Лампу не гасили. Потому что если погаснет лампа, остановится конвейер. А если остановится конвейер, то вся сеть — от Уральского кластера до Дальневосточных плавлен — начнёт сыпаться, как старая кирпичная кладка.

Илья Корнев знал это лучше других. Он был старшим сменным инженером пятой доменной линии и отвечал за то, чтобы расплав шёл ровно, без пульсаций, с заданной температурой и вязкостью. Его отец работал на этом же заводе тридцать лет назад, когда «ЭлектроСталь-8» только ввели в строй, и говорил, что завод был красивым — хромированные поручни, свежая побелка на стенах, новенькие датчики, которые не ввали.

Теперь датчики ввали постоянно.

— Корнев, у тебя расход газа по третьей фурме упал на семь процентов, — голос диспетчера верхнего уровня ворвался в наушник резким, пробивным фальцетом. — Через два часа приёмка. У тебя семь процентов, понимаешь?

— Понимаю, — ответил Илья, хотя понимал только то, что датчик опять заглохнул. Третья фурма работала в штатном режиме — он только что проверял лично, стоя в двадцати сантиметрах от раскалённого кожуха, чувствуя, как жар пробивает термозащиту и сушит глаза изнутри.

— Не понимаешь ты ничего, — продолжал диспетчер. — Если приёмка зафиксирует отклонение, твой коэффициент пересмотрят. Ты хочешь на бирку?

Илья не хотел на бирку. Бирка — это жёлтый браслет на запястье, который давали работникам с неприемлемо низкой эффективностью. С биркой нельзя было выходить из заводского периметра. С биркой ты становился расходным материалом — тебя отправляли на самые опасные участки, туда, где оборудование вот-вот должно было убить человека, но останавливать линию было дороже.

— Я проверю датчик, — сказал Илья и отключил связь.

Он пошёл к третьей фурме вдоль галереи, которая когда-то была оборудована системой принудительного охлаждения. Система умерла пять лет назад — перегорели все компрессоры, а новые никто не поставил, потому что заводской бюджет ушёл на закупку партии китайских контроллеров, которые, как выяснилось, не работали при температуре выше сорока градусов. Но деньги были списаны, акты подписаны, и никто не хотел поднимать эту тему заново.

Воздух в галерее стоял тяжёлый, пропитанный окалиной и оксидами. Илья прошёл мимо автоматического смазчика, который уже полгода выдавал странные прерывистые сигналы, похожие на азбуку Морзе. Техники говорили, что в нём поселился какой-то вирус, но антивирусные программы не обновлялись с позапрошлой зимы. Поэтому смазчик просто пищал. Все привыкли.

Третья фурма находилась в конце тоннеля, где освещение было самым плохим — лампы меняли только на основном проходе, а здесь, в глубине, висела одна ртутная лампа старого образца, которая мерцала с частотой, вызывающей тошноту.

Илья достал переносной термометр — единственный прибор, которому он ещё доверял — и направил на кожух фурмы.

Температура была в норме. Расход газа тоже. Датчик врал.

Он открыл распределительный щиток и увидел проблему сразу: контактная группа оплавилась, датчик работал на остаточном сопротивлении, выдавая случайные значения. Типичная история для оборудования, которое должны были заменить три года назад.

Илья достал инструмент и начал аккуратно зачищать контакты. Работа была тонкая — в щитке всё ещё гуляло напряжение сто десять вольт, и одно неловкое движение могло замкнуть цепь на корпус, а корпус, как назло, был заземлён только номинально — настоящей земли на заводе не было нигде. Экономили на меди при прокладке.

Он услышал шаги за спиной, когда уже почти закончил.

— Корнев.

Голос принадлежал Нестерову, начальнику участка технического контроля. Нестеров был из тех людей, кто никогда не появлялся просто так — его приход всегда означал проблемы. На его запястье не было бирки, но было что-то другое: серебристый браслет, который носили только доверенные лица администрации. Говорили, что внутри браслета — микрофон, и каждое слово Нестерова записывалось и анализировалось системой контроля лояльности.

— Нестеров, — ответил Илья, не оборачиваясь. Он затянул последний винт и закрыл щиток.

— У тебя расход газа падает третий день подряд. Третий день, Корнев. Я смотрю сводки. Ты вообще смотришь?

Илья выпрямился и повернулся. Нестеров стоял в двух шагах, его лицо было бледным и влажным от жары, но глаза — холодные, бесцветные, как у рыбы.

— Датчик врёт, — сказал Илья. — Я только что проверил фурму. Параметры в норме. Нужно менять датчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.